

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТНОГО КОМПЛЕКСА В ИНТЕРЬЕРЕ СОВЕТСКОГО ГОРОДСКОГО ЖИЛИЩА 1930-1950-х ГОДОВ

УДК: 747
ББК: 85.128

Усанова Алла Леонидовна

кандидат искусствоведения, доцент,
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия, e-mail: alla_leo@mail.ru

Аннотация

В статье на основе анализа аутентичной мебели, элементов художественного убранства (кружева, вышивки) и форматного текстиля из городского жилища 1930–1950-х годов выявляется художественная специфика предметного комплекса. Исследуются художественно-пластические особенности мебельного ряда, художественная сущность и значение интерьерного текстиля. Рассматриваются социокультурные аспекты трансформации художественно-бытовых традиций. Материалом для изучения явились предметы из музейных экспозиций, антикварных салонов, частных собраний Москвы, Новосибирска, городов Алтайского края, интернет-аукционов; литературные источники, где прямо или косвенно рассматриваются художественные качества предметов бытового назначения 1930–1950-х годов; официальные фотографии и фото из семейных архивов в интерьере первой половины XX века.

Ключевые слова

интерьер городского жилища, художественное убранство жилища, мебель, декоративный текстиль

В современной исследовательской среде актуализируются проблемы изучения различных аспектов материально-художественной культуры 1920–1950-х годов, однако узнаваемый образ советского городского жилища, художественные стороны его стилистической завершенности до настоящего времени имеют гипотетический научный статус.

На рубеже XX–XXI веков изучение советского городского жилища оказалось точкой пересечения различных областей гуманитарного знания: формирование семиотики городского жилища, городской культуры и социальной среды освещается в рамках историко- и социокультурных исследований повседневности И. Утехина [1], С. Бойм, Ш. Фицпатрик, В. Каганского, В. Волкова, Н. Лебиной, П. Вайльа, А. Гениса и др.; архитектурный облик городского жилища, градостроительная практика, жилищная политика СССР в контексте социальной истории рассматривается В. Паперным, У. Брумфилдом, М. Близнаковой, С. Коткиным [2], М. Мееровичем [3], Ю. Косенковой, Е. Коньшевой и др.

В силу отраслевой раздробленности в искусствоведении представления о художественном облике городского жилища 1930–1950-х годов фрагментарны. Интерьер косвенно рассматривается в рамках авторских проектов и памятников советского зодчества С. Хан-Магомедовым, Е. Кириченко, А. Рябушиным, Г. Бочаровым, В. Выголовым. Художественные аспекты предметного творчества исследуются в трудах по истории советского декоративно-прикладного искусства и народного творчества В. Толстого, А. Салтыкова, С. Темерина В. Воронова, В. Василенко, Н. Каплан, М. Некрасовой, Е. Яковлевой и др. Задача нашего исследования заключается в выявлении художественных качеств предметного комплекса и элементов убранства городского жилища 1930–1950-х годов.

В процессе изучения материально-художественной культуры целесообразным представляется обращение к искусствоведческим методам стилистического, иконологического и иконографического анализа, ориентированного на выявление

художественных особенностей.

Специфика развития предметно-пространственного искусства 1930–1950-х годов, концентрация художественных сил на воплощении общественно значимых, идейно-эстетических образцов советской архитектуры, искусства определили характерную тенденцию в декоративно-прикладном искусстве советской эпохи: создание дорогих уникальных изделий для парадных интерьеров и производство (самостоятельное изготовление) предметов широкого потребления, имитирующих и интерпретирующих стиль этих изделий. Важным фактором в формировании советского городского интерьера в широких территориальных границах является распространение крестьянской художественно-бытовой культуры (навыки домашнего ремесла, уважительное отношение к вещи) в результате массового притока сельского населения в города с 1920-х годов. Гетерогенность интерьера (мебель, текстиль) и многообразие художественной природы его предметного наполнения (промышленные изделия, домашнее рукоделие) определяют целесообразность системного подхода при изучении источников.

Мебель, предметы домашнего обихода, элементы художественного убранства из интерьера городского жилища 1930–1950-х годов в силу специфики исследуемого материала (авторская и типовая мебель дореволюционного производства, образцы советской мебельной и художественной промышленности, изделия кустарных мастеров и уникальные предметы самодельного прикладного творчества) структурируются по следующему принципу:

- фабричная мебель дореволюционного и советского производства;
- предметы мебели кустарного и самодельного изготовления;
- осветительные приборы, часы, декоративная и статуарная пластика;
- декоративный, декоративно-утилитарный текстиль.

Мебель фабричного изготовления в основном представлена корпусными изделиями: универсальными (славянскими) книжными шкафами в составе кабинетного комплекта (письменный стол, рабочие кресла). При мебелировке номенклатурного интерьера с 1930-х годов распространяется практика адаптации образцов мебели, рекомендованных для общественного интерьера. Во второй половине 1930-х годов советская промышленность выпускает типовой бельевой шкаф (гардероб), с конца 1940-х начала 1950-х годов – столовый шкаф-буфет, необходимый в условиях коммунального быта (рис. 1).

Предметная линейка кустарной и самодельной мебели шире и разнообразнее: от табуретов и скамеек до корпусных изделий. Особым пластическим многообразием выделяются буфеты и этажерки. Мягкая мебель, представленная в основном диваном, при изучении и осмотре позволяет сформулировать вывод о кустарном происхождении большинства изделий. При сохранении стилистически характерных пропорций и элементов дивана (подлокотники-валики, высокая спинка, декорированная зеркальными вставками и полочками) изделия разнятся по отделочным материалам, фурнитуре, способам соединения конструктивных деталей, что невозможно при стандартизированном массовом производстве. Стилистический анализ наиболее знаковых и распространенных в городском интерьере 1930–1950-х годов предметов (шкаф бельевой (гардероб), буфет, столовая группа, комод, этажерка) позволил выявить общие тенденции и художественно-пластические особенности мебели фабричного, кустарного и самодельного изготовления 1930–1950-х годов. В качестве общего свойства отмечается тяготение к репродуцированию и модификации исторических стилей. В фабричной мебели диапазон формально-пластических свойств обусловлен советской архитектурно-художественной практикой: от арт-деко и неоклассицизма в 1920–1930-х годах до ампирных и барочных черт в мебели конца 1940–1950-х годов. В формах, элементах декора кустарной и самодельной мебели, ориентированной на праздничные формы русского модерна и русского барокко, нашли свое выражение эстетические принципы широких народных масс. Данная категория изделий

Рис. 1. Буфет с фацетным остеклением типовой. Конец 1940-начало 1950-х годов. Фабричное производство. Киров. Частный интерьер. Новосибирск. Фото А.Л. Усановой

Рис. 2. Буфет с волнообразной филёнкой и звездой на высоком фронтоме. Кустарная работа. Начало 50-х гг. Частный интерьер Алтайский край. Фото О. Богданова

преобладала в интерьерах жилищ уральских, сибирских городов. В отсутствие фабричной мебели дореволюционные изделия являлись фасонными образцами для пластических интерпретаций и технологических экспериментов кустарей, умельцев 1930–1950-х годов: например, звезда в раскрепованном карнизе фасада, пропитка дерева раствором марганца под олифу для благородного темного цвета изделия и т. д. (рис. 2)

Состав третьей предметной группы: осветительные приборы, часы, декоративная и статуарная пластика – также не однороден по художественным качествам, но созвучен социальной направленности интерьера и эстетическим притязаниям жильцов. Настольные светильники варьируются от кабинетных ламп с латунным, бронзовым основанием с геральдическим орнаментом до более демократичных эбонитовых и с зеленым матовым плафоном (грибок) (рис. 5). Широкий ассортимент настенных часов. В массовом интерьере городского обывателя – гиревые крестьянские часы с жестяным корпусом и сюжетными изображениями на формованном кокошнике (дореволюционной часовой промысел жителей подмосковных деревень продолжал насыщать рынок недорогими часами и в 30-х, и в конце 40-х годов XX века). Образцы кустарного креатива с «мишками» послевоенного десятилетия представлены во многих краеведческих музеях, антикварных магазинах и демонстрируют буквальное соединение «подлинных образцов высокого искусства с массовостью производства» [4, с. 231] (рис. 4). В номенклатурном интерьере 1930-х годов,

Рис. 3. Пограничник (модельный гипс). Кунгур. 1950-е гг. Антикварно-художественный салон-магазин «Синяя птица». Барнаул

Рис. 4. Часы-ходики с кокошником гиревые. Жестяной корпус с росписью. Начало 1950-х годов. Частный интерьер

Рис. 5. Настольная лампа с геральдическим декором. Бронза, стекло. 1930–1950-е годы. Музей «Мир времени». Частное музейное собрание С.М. Корепанова. Барнаул

преобладали добротные дореволюционные изделия отечественных и зарубежных мастеров. В послевоенное время ряд негабаритных предметов для интерьера (письменные приборы, настенные, каминные часы и др.) существенно расширился за счет трофейных поступлений. Однако уже к середине 1950-х годов в городском интерьере все большее распространение получают часы советского производства в массивном деревянном корпусе (Московские, Харьковский часовые заводы и др.). Статуарные украшения, прочно обосновавшиеся в номенклатурном интерьере с конца 1930-х годов, к середине 1950-х демократизируются и приобретают популярность в оформлении жилища городского обывателя: от скромных латунных, чугунных и мраморных бюстиков вождей, русских классиков и тематической пластики ЛФЗ до массивных изделий кунгурских мастеров из формованного гипса «Пограничник», «Хозяйка Медной горы», «Василий Теркин» (рис. 3). В провинциальных интерьерах распространены расписные изделия из Полхов-Майдана, анонимные изделия местных умельцев – собачки и кошки-копилки, самодельные ларцы и шкатулки из плотной цветной бумаги, открыток. Стоит отметить, что долгая жизнь вещей, свойственная в целом предметному быту провинции, несмотря на стилистический мезальянс, обуславливала художественно-эстетическое своеобразие жилого пространства до последней четверти XX века.

Кружевные, вышитые изделия 1930–1950-х годов, выполненные в рамках домашнего рукоделия, сохранились во многих семьях как материальная память о прошлом. В кружевных подзорах, вышитых уголках и дорожках оказались синтезированы художественные каноны времени, индивидуальные вкусы и эстетические предпочтения мастериц. Несмотря на то что в отечественном искусствознании изучение традиционного народного творчества и художественных промыслов – наиболее разработанная тема, статус домашнего рукоделия в СССР до недавнего времени колебался в границах самодеятельного художественного творчества и бытовой культуры повседневности. При этом до 1960–1970-х годов художественные промыслы как область профессиональной художественной деятельности априори включались в советское декоративное искусство. Современные исследователи дают более точное определение: нетрадиционное народное творчество, развивающееся в русле промежуточной «срединной» культуры [5]. Его специфика заключается в ориентации на яркие образцы как традиционного народного, так и высокого элитарного искусства, их

Рис. 6. Подзор (фрагмент экспозиции). Мережка, вязаное кружево. Первая половина XX в. Музей «Мир времени». Частное музейное собрание С.М. Корепанова. Барнаул

Рис. 7. Шторы. 35x164 см. Ламбрекен. 35x140см. По центру декорирован в технике «ришелье». 1950-е гг. Антикварно-художественный салон-магазин «Синяя птица». Барнаул

интерпретация и адаптация «для себя». С середины 1930-х годов популяризация рукоделия как формы творческого досуга и способа эстетизации жилища способствовала появлению в интерьере разнообразных по назначению, но декоративных по функции кружевных и вышитых изделий: занавески и ламбрекены, чехлы и накидки, «накомодники» и дорожки, салфетки, скатерти и др.

Анализ материальных, изобразительных источников свидетельствует о том, что в домашнем рукоделии 1930–1950-х годов утрата семантических функций в угоду декоративности и бытующей моде приобретает очевидный и массовый характер, особенно в регионах с многонациональным населением (Москва, промышленные города и переселенческие центры Сибири).

В изготовлении кружевных изделий для интерьера с середины 1930-х годов, наряду с традиционными крестьянскими техниками, такими как численное ленточное кружево, распространение получают сложные аристократические техники: «ришелье», филейное плетение, петельная (гарусная) вышивка по сетке и др. Геометрическая орнаментика вязаного кружева сменяется сложным растительным, иногда сюжетным изображением (рис. 6, 7). К середине 1950-х годов существенно расширяется ассортимент кружевных изделий. Наряду с традиционным парадным убранством кровати кружевными подзорами и накидками кружевным рукоделием оформлялось большинство предметов мебели, оконные и дверные проемы, а нередко и стеклянные плафоны светильников. Ансамблевая маркировка белоснежным кружевом жилого пространства сообщала интерьеру праздничную атмосферу и стилистическую цельность.

В вышивке также формируется определенная тенденция: от цветового минимума, орнаментальной условности и стилизации в изделиях 1930-х к реалистической, многоцветной глади, фактурному болгарскому кресту в рукоделии конца 1940-х – начала 1950-х годов. Композиционная ясность и уравновешенность геометрического орнамента сменяется замкнуто круговой или нарочито асимметричной (свободной) композицией (рис. 8, 9). Увеличивается цветовая насыщенность изображения, плотной (ковровой) вышивкой полностью покрывается поверхность изделия (диванные подушки-«думки», газетницы и т. д) (рис. 10).

Рис. 8. Рушник. 50x110 см. Вышивка. Край – кружево, крючок. Хлопок. Конец 1930-х гг. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая. Барнаул

Рис. 9. Шторы. 45x180 см. Ламбрекен. 50x110 см. Гладь. 1950-е гг. Из частного собрания. Новосибирск

В городском интерьере распространение получают вышитые панно и сюжетные картины. Пышные флористические мотивы и натюрморты из цветов, плодов и колосьев в композициях послевоенных вышивок отражают барочные тенденции в декоративно-прикладном искусстве конца 1940–1950-х годов. Сюжеты вышитых картин варьируются от аристократических пасторальных сцен до воспроизведения сказочных героев и эпических картин русских художников. Особой популярностью для репродуцирования пользуются картины В. Васнецова, что обусловлено национальными по форме и содержанию произведениями автора, декоративностью колорита, его творческой манерой, удобной для воспроизведения в технике вышивки даже для малоопытной мастерицы (рис. 11).

Рис. 10. Наволочка для «думочки» 35x35 см. Вышивка. Крест. 1950-е гг. Из экспозиции галереи «Universum» факультета искусств Алтайского государственного университета. Барнаул

Рис. 11. «Три богатыря». 55x35 см. Вышивка Счетный крест. Середина XX века. Из частного собрания. Славгород

В интерьере вышитые панно, картины являлись важным цветовым акцентом, визуально обогащая жилое пространство, и демонстрировали уровень эстетических притязаний. Широкая практика применения домашнего рукоделия в оформлении городского жилища 1930–1950-х годов позволяет говорить о формировании выраженной стилиевой тенденции, а художественное многообразие этого явления (например, синтез традиционно русских и европейских техник в изделиях сибирских мастериц) обусловлено социокультурными и историческими процессами в СССР.

Сложность изучения форматных текстильных изделий утилитарно-декоративного назначения (ковров, половиков-дорожек, паласов) обусловлена рядом объективных факторов. Во-первых, характер материальной источниковой базы специфичен в силу утраты ценностного и эстетического статуса ряда вещей в последующие годы. Дорогие ковры, паласы из республиканских центров советского ковроделия и текстиль трофейного происхождения еще сохранялись в интерьерах до 1990-х годов, в то время как печатные, рисованные ковры, домотканые половики в 1960–1970-х годах исчезали из городского интерьера по мере роста благосостояния горожан и развития художественно-текстильной промышленности.

Кустарные, самодельные образцы ковров 1930–1950-х годов сохранились в экспозициях и фондах краеведческих музеев Алтая, Новосибирска, Екатеринбурга как атрибут советского быта либо как «эстетический казус» в частных собраниях коллекционеров. Изобразительные источники представлены в основном бытовой фотографией в интерьере и постановочной в условиях фотоателье, где ковер выступает в роли живописного задника. Ценным источником являются литературные произведения, где в рамках биографического сюжета присутствуют описание жилища 1930–1950-х годов и техник изготовления декоративного убранства (А. Солженицын, Т. Толстая).

Второй фактор связан с трансформацией исследовательского взгляда в отечественном искусствознании XX–XXI веков: в трудах советского периода он сосредоточен на адаптации и развитии традиционных текстильных, ковровых промыслов России и союзных республик (И. Работнова, В. Темурджан, Е. Гогель, Е. Яковлева и др.). При этом в ковроделии 1930–1950-х годов авторы отмечают ряд важных, на наш взгляд, особенностей: ориентация на малотиражное экспортное, выставочное производство; создание сюжетно-тематических, портретных композиций, повторение живописных оригиналов в ковровых техниках и отсутствие массовой текстильной продукции, предназначенной для жилища. Смена дискурса в искусствознании 1990–2000-х годов способствовала научной реабилитации рисованных и печатных ковров 1940–1950-х годов в трудах К. Богемской, А. Мигунова, С. Бойм, А. Яковлевой. Так, апеллируя к информативной сущности художественного текста кустарных ковриков, А.М. Яковлева раскрывает психосоциальную природу явления: «...пресловутый коврики с лебедями и русалками – попытка выгородить свой бедный рай в чужом краю, умягчение железного мира, его очеловечивание» [6, с. 253]. Третий фактор обусловлен широкой практикой компиляции культурных традиций в городском интерьере 1930–1950-х годов, что отразилось и в декоративно-утилитарном текстиле: ковры и коврики, различные по художественным достоинствам, качественным и сущностным характеристикам, не только атрибутировали бытовую обустроенность, но и определяли социокультурный статус жилища. Следовательно, для воссоздания объективной и системной картины анализ наиболее распространенных видов форматного текстиля целесообразно осуществлять по типологическому принципу (номенклатурное – массовое жилища).

В номенклатурном интерьере 1930-1950-х годов диапазон напольных покрытий варьируется в границах: ковровая дорожка и ковер (палас) дореволюционный, трофейный, продукция советских ковровых центров. С 1930-х годов под руководством Коверкустэкспорта по кавказским техническим рисункам осваивается производство ворсовых ковров в Курганской и Пензенской областях [7, с. 217]. В Тюмени набирает обороты производство

Рис. 12. Фрагмент ковра «Персидский (розаны)». 155x210 см. Полотно, масло, трафаретная печать с дорисовкой. Конец 1940-х – начало 1950-х гг. Антикварно-художественный салон-магазин «Синяя птица». Барнаул

Рис. 13. Сюжетный ковер «Встреча». 73x110 см. Полотно, масло, живопись. Начало 1950-х гг. Из фонда Алтайского государственного краеведческого музея. Барнаул

махровых ковров, в Курске, Воронеже – традиционных цветочных паласов с живописно решенными ярко-алыми розами. В конце 1930 – начале 1950-х годов в интерьерах зажиточных горожан получили распространение шерстяные паласы из западных районов Украины с характерным звездчатым и ромбовидным орнаментом по цветному или черному полю, безворсовые односторонние паласы домашних и кустарных промыслов из республик Средней Азии. Высокая стоимость и недоступность изделий для большинства горожан указывали на высокий социальный статус обладателя ковра (расстеленного на полу!), в отличие от более демократичной и однозначной по назначению ковровой дорожки. Практика декорирования стен коврами в номенклатурном интерьере не имела широкого применения, лишь в 1950-х годах в интерьере появляются гобеленовые коврики из восточной Европы и образцы традиционного народного искусства из национальных республик (сюзаны, среднеазиатские килимы).

В массовом интерьере спектр форматного текстиля представлен традиционными тканями половиками в качестве основного напольного покрытия, утилитарными ковриками-кружками (вязаными, лоскутными), выполненными в рамках домашнего рукоделия. В убранстве городского жилища в приграничных районах Урала, Сибири и национальных республиках нередко встречались образцы традиционного прикладного искусства и бытовой культуры местных народов: сырмаки, кошмы и т. д. Настенному ковру (самодельного, кустарного, фабричного изготовления) в оформлении массового жилища придавалось особое значение. С начала 1930-х годов данный вид убранства эволюционировал от скромного прямоугольного отреза ткани (декорированного кружевной дорожкой) над кроватью и формального композиционного центра жилого пространства до эстетически и социально знаковой детали городского интерьера. Яркий, нарядный ковер на стене скромного жилища постепенно становился знаком достатка и определенных эстетических притязаний. В 70-80-х годах XX века бытовое благополучие обывателя оценивалось по количеству ковровых изделий фабричного производства, превращая этот предмет в нечто большее, чем элемент интерьера. Ковер на стене, как культурологическая мифологема и клишированный образ стилистической законченности интерьера в массовом сознании формировался на протяжении предыдущих десятилетий. Важную роль в этом процессе сыграло широкое распространение печатных и рисованных ковров-картин в послевоенное десятилетие. Ковровый промысел красилей конца 1940-х (доходность, география, техника

Рис. 14. Сюжетный ковер «Встреча». 75x150 см. Полотно, масло, трафаретная печать, дорисовка. Нач.1950-х гг. Из фонда Алтайского государственного краеведческого музея. Барнаул

изготовления, орнаментика и сюжеты) описываются в произведении А.Солженицина [8, с. 31]. В музейных фондах, на антикварных рынках, в сельских жилищах юга Сибири часто встречаются промысловые образцы ковров конца 1940-1950-х «Персидский», «Олени» (рис. 12).

Стоит заметить, что иконография сюжетов, жанров в ковровой живописи 1940–1950-х годов может быть отдельной темой исследования. Например, природа появления и художественный текст популярного лирического сюжета (счастливое свидание влюбленной пары на фоне идиллического пейзажа) условно обозначенного «Встреча» в ковровой живописи 1940-х – начала 1950-х годов (рис. 13, 14). Анализ семантики художественного языка ряда произведений из фондов Алтайского государственного краеведческого музея (Барнаул), историко- и социокультурной ситуации в стране послевоенного десятилетия 1940-х – начала 1950-х годов позволяет высказать предположение о гендерной сущности явления. Преобладание женского населения обусловило востребованность тем любовной лирики, которым не было места в официальном искусстве данного периода. Эмоционально-эстетическую нишу, образовавшуюся в массовом сознании, заполняют проявления низовой и промежуточной художественной культуры, использующей архетипические образы и краски.

Таким образом, предметный интерьер советского городского жилища 1930–1950-х годов формировался на основе синтеза и интерпретаций разнородных по художественной природе явлений. Образцы профессиональной художественной деятельности являются продолжением художественных тенденций, господствующих в официальном советском искусстве 1930–1950-х годов, а художественные качества широкого круга изделий, выполненных в рамках домашнего рукоделия, кустарных промыслов, пребывают в рамках «срединной» художественной культуры. По мнению О. Балдиной, «бытовой дизайн, как сфера проявления творческого потенциала в нашей стране, связан не только с жадой самовыражения, творческой энергией, но обусловлен потребностями людей, социально-экономическими условиями жизни» [9, с. 61]. Следовательно, стилистическая

цельность художественного образа советского городского жилища представляет собой культурологический феномен, актуализирующий междисциплинарный подход к изучению художественных сторон городской повседневности (костюм, художественное убранство жилища, предметное творчество и др.).

Библиография

1. Утехин, И. Очерки коммунального быта / И. Утехин. – 2-е изд., доп. – М. : , 2004. – 277 с.
2. Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история // Сост., отв. ред. У. К. Брумфилд и Р. Блэр. – М., 2002. – 192 с.
3. Меерович, М. Дискуссия о соцрасселении. Новые материалы. Часть I II / М. Меерович // Архи.ру [Электронный ресурс]. – URL : <http://archi.ru/russia/45601/diskussiya-o-socrasselenii-povue-materialy-....>
4. Салтыков, А.Б. Сводоклад о декоративном искусстве / А.Б. Салтыков // Материалы первого всесоюзного съезда советских художников (28 февраля–7 марта 1957 года). – М. : Советский художник, 1958. – С. 231–232.
5. Метальникова, В.В. Формирование промежуточной культуры, ее специфика в современных условиях / В. В. Метальникова // Народная культура в современных условиях / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии; отв. ред. Н. Г. Михайлова [Электронный ресурс] – URL: <http://znanie.podelise.ru/docs/86667/index-3939-1.html>. – Загл. с экрана.
6. Яковлева, А.М. Кич и паракич: Рождение искусства из прозы жизни / А.М. Яковлева // Художественная жизнь России 1970-х годов как системное целое. – СПб., 2001. – С. 252–263
7. Яковлева, Е.Г. Ковроделие. Советское декоративное искусство, 1917-1945: очерки истории / отв. ред. В.П. Толстой. – М. : Искусство, 1984. – 242 с.
8. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича / А.И. Солженицын. – М. : Гослитиздат, 1963. – 47 с.
9. Балдина, О.Д. Формирование предметно-пространственной среды, бытовой дизайн как область повседневного творчества / О.Д. Балдина // Наука о культуре: итоги и перспективы. – 2001. – Вып. 3. – С. 60–68.

Произведение «Художественные особенности предметного комплекса в интерьере советского городского жилища 1930-1950-х годов», созданное автором по имени Усанова Алла Леонидовна, публикуется на условиях лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция — На тех же условиях») 4.0 Всемирная. Разрешения, выходящие за рамки данной лицензии, могут быть доступны на странице alla_leo@mail.ru.

Усанова Алла Леонидовна
кандидат искусствоведения, доцент,
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия, e-mail: alla_leo@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.02.2015
Электронная версия доступна по адресу: http://archvuz.ru/2015_2/19
© А.Л. Усанова 2015
© УралГАХА 2015

ARTISTIC FEATURES OF FURNISHINGS IN THE SOVIET URBAN DWELLING INTERIOR OF 1930-1950s

Usanova Alla L.

PhD (Art studies), Associate Professor,
Altay State University,
Barnaul, Russia, e-mail: alla_leo@mail.ru

Abstract

Based on analysis of authentic furniture, elements of artistic decoration (lace, embroidery) and formatted textiles used in the 1930-1950s urban dwelling, the author reveals the artistic specificity of this set of furnishings and examines the artistic and sculptural features of the furniture and the artistic essence and significance of the interior textiles. The socio-cultural aspects of transformation of the fancy living traditions are examined. The material for the research was represented by exhibits from museum expositions, antique shops, private collections of Moscow, Novosibirsk and cities of Altai region, internet-auctions; literature sources in which the artistic qualities of the 1930-1950s household items are examined directly or indirectly; public photographs and family archive pictures taken in interiors pertaining to the first half of the 20th century.

Key words

urban dwelling interior, artistic décor of homes, furniture, decorative textiles

References

1. Utekhin, I. (2004) Essays of lifestyle in shared municipal apartments. Moscow: OGI (in Russian)
2. Brumfield, W.C., Ruble B.A. (eds.) (2002) Housing in Russia: 20th century. Architecture and social history. Moscow: "Tri Kvadrata" (in Russian)
3. Meerovich, M. Discussion on social resettlement. New materials. Part I [Online]. Available from: <http://archi.ru/russia/45601/diskussiya-o-socrasselenii-novye-materialy-chast-i>. (in Russian)
4. Saltykov, A.B. (1958) Supplementary Report on Decorative Arts. Proceedings of the First All-Union Congress of Soviet Artists (28 February – 7 March 1957). Moscow: Sovetskiy khudozhnik. Pp. 231-232. (in Russian)
5. Metalnikova, V.V. Emergence of Interim Culture and Its Specificity in Present-Day Conditions. In: Vernacular Culture in Present-Day Conditions. Ministry of culture of the Russian Federation, Russian Institute of Cultural Studies. [Online]. Available from: <http://znanie.podelise.ru/docs/86667/index-3939-1.html>. (in Russian)
6. Yakovleva, A.M. (2001) Kitsch and Parakitsch: The Birth of Art from the Prose of Life. In: Artistic Life in 1970s Russia as a Systemic Entity. Saint-Petersburg. Pp. 252-263 (in Russian)
7. Yakovleva, E.G. (1984) Carpet Making. Soviet Decorative Arts, 1917-1945: Historic Outlines. Moscow: Iskusstvo. (in Russian)
8. Solzhenitsyn, A.I. (1963) One Day in the Life of Ivan Denisovich. Moscow: Goslitizdat. (in Russian)
9. Baldina, O. D. (2001) Formation of material spatial environment, household design as an area of daily creativity. In: The science of culture: results and prospects. Vol. 3, pp. 60-68. (in Russian)

Article submitted 09.02.2015

The online version of this article can be found at: http://archvuz.ru/2015_2/19

© A.L. Usanova 2015

© USAAA 2015